

НЕВЕСТА
ХРОМОГО ЛЬВА

ОЛЛИ УЛИШ

Олли Улиш

Невеста хромого льва

<https://litres.ru/74004221>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элино́р Морвуд — дочь разорившегося барона. Дом на грани краха, отец болен, в сундуке — одно старое платье . Когда приходит письмо из герцогского замка с приглашением на отбор невест, семья видит в этом единственный шанс выжить.

Герцог Кассиан де Вольф — хромым лев, лучший меч королевства, пока вражеская катапульта не отняла у него ногу, а предательство — веру в людей. Говорят, его первая невеста сбежала и погибла. Говорят, что в Вольфхолле по ночам не смеются, а слуги обходят хозяина стороной.

Но когда Элино́р впервые видит герцога, она видит усталые глаза, сжатые в бессилии кулаки и мужчину, который семь лет не подпускал к себе никого, потому что боялся потерять вновь.

Отбор оказывается опаснее, чем она предполагала. Интриги, клевета, предательство и ночное нападение на замок — ей придётся доказывать, что она не очередная охотница за титулом.

Но главное испытание — завоевать сердце того, кто разучился верить.

Потому что хромым лев заслуживает не жалости. Он заслуживает любви.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Письмо из замка	8
Глава 2. Дорога в Вольфхолл	14
Глава 3. Хозяин замка	21
Глава 4. Ужин со львом	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Невеста хромого льва

Пролог

Кассиан де Вольф не верил в справедливость войны. Он верил в выгоду.

Третий год тянулась пограничная распря между королевством Вальден и мятежными баронами Восточной марки. Формально — за право сбора пошлин на Большом тракте. На деле — за землю, амбары и каждую деревню, которая могла прокормить солдат. Кассиан знал это, потому что его отец, старый герцог, научил главному: «Война — это торг. Только вместо монет — кровь, и размениваться тут надо умело».

Двадцать два года, шесть кампаний, три осады, двенадцать убитых им лично офицеров противника. Кас воевал с той отстранённой жестокостью, которая у стариков называется доблестью, а у молодых — даром. Он не ненавидел врага. Просто был отлично подготовлен. Быстрее резал, точнее колол, хладнокровнее оценивал местность. В лагере его уважали, в замке боялись, а он сам считал, что война — это грязное, но нужное ремесло. Как бойня. Как выделка кожи.

Отвратительно. Но прибыльно.

Осенняя кампания обещала быть короткой. Мятежные бароны зажали свои силы в излучине реки Ворн, и Кас повёл авангард в обход, чтобы ударить с тыла. Он любил такие ма-

нёвры — стремительные, дерзкие, когда всё висит на волоске, а победа пахнет мокрой глиной и утренним туманом. Три сотни всадников, он сам во главе с поднятым мечом. Хороший день, чтобы победить.

— Держать строй! — крикнул он, и голос не дрогнул.

Лощина была ошибкой. Кассиан понял это, когда воздух разрезал первый свист — катапульты противника работали слишком точно для такого расстояния. Кто-то продал карту. И это были свои. Мысль мелькнула и погасла, потому что следом взорвалась земля.

Удар швырнул его в седле. Конь встал на дыбы, закричал — именно закричал, по-человечески высоко и жалобно, — и рухнул на левый бок, придавив ногу Каса к каменистой почве. Боль пришла не сразу. Сначала была вспышка — белая, ослепляющая, — а потом тишина. Такая полная, будто кто-то выключил звук. Кассиан увидел, как солдаты разбегаются, как падает рядом его знаменосец с пробитым горлом, как небо медленно затягивается дымом. И только потом опустил взгляд.

Ноги ниже колена не было.

Она лежала в трёх шагах — сапог всё ещё на ней, шнуровка цела, даже шпора блестит. Кость торчала из рваной плоти белым обломком, как сломанная ветка после бури. Крови было так много, что она пропитала плащ, кольчугу, даже землю вокруг, превратив глину в чёрное месиво. Кассиан подумал с удивительной ясностью: «Интересно, сколько в

человеке крови. Наверное, ведро. Может быть, два».

Потом ясность кончилась.

Он закричал — не от боли (та пришла позже, огромной волной), а от унижения. Герцог Вольфхолла, лучший меч королевства, победитель трёх осад, лежит в грязи, придавленный дохлой лошадью, и смотрит на свою собственную ногу, как кусок мяса на бойне. Это было неправильно. Это было ужасно и так обидно, что он заорал, захлёбываясь слюной, и бил кулаком в бок мёртвого коня, пока кто-то не оттащил его.

— Ваша милость! Ваша милость, не двигайтесь!

Реджинальд. Откуда здесь Реджинальд? Дворецкий должен был сидеть в замке, варить пиво и считать свечи. Но он был здесь — в грязной дорожной одежде, с окровавленными руками, и уже рвал рубаху на жгуты.

— Потерпите, — сказал старик ровно, хотя руки тряслись. — Потерпите, сейчас перетянем.

Кас не помнил, как его тащили. Только отдельные моменты: небо, потом деревянный настил повозки, чей-то голос: «Рана выше колена, кость раздроблена, надо резать». Потом темнота.

Он выплыл из неё через три дня, а может, через неделю — время спуталось, как скрученная верёвка. Над ним склонился Реджинальд, уже чистый, выбритый, в привычном чёрном камзоле. Глаза слуги были красными, но голос — ровным, как всегда.

— Ваша милость. Вы в Вольфхолле. Лекари сделали всё, что могли. Вы живы. Всё остальное — поправимо.

Кас не ответил. Он медленно приподнялся на локтях — голова закружилась, в ушах зашумело — и посмотрел вниз, туда, где под тонким шерстяным одеялом угадывалось тело. Одеяло было ровным. Слишком ровным. Левая нога кончалась там, где раньше начиналась икра, — и дальше была только пустота. Пустота под одеялом, и ещё большая внутри. Там, где раньше было «он — воин».

Он не закричал. Не заплакал.

Он просто сидел и смотрел на свою культю, обёрнутую бинтами с желтоватыми пятнами сукровицы, пока Реджинальд не вышел за лекарем. А потом, когда комната опустела, сжал зубы так сильно, что хрустнула челюсть, и с размаху ударил кулаком в стену — раз, другой, третий, пока костяшки не разбились в кровь, оставляя на тёсаных камнях тёмные пятна.

Война кончилась. Для него она кончилась здесь, в этой постели, под одеялом и страшной пустотой там, где должна была быть нога.

Он выжил.

Но мир больше не будет прежним.

Глава 1. Письмо из замка

Дом барона Эдгара Морвуда пах кислыми щами и отчаянием.

Элинор поняла это в тот миг, когда переступила порог кухни. Было раннее утро. Она шла босиком, в застиранной рубашке, с распущенными волосами и единственной мыслью: «Сегодня надо доесть вчерашнюю кашу, потому что новой не будет». Запах вьелся в доски, в шторы, даже в молитвенник над дверью — дар покойной бабки, единственная вещь, которую ещё не успели продать.

Отец сидел за столом с пустой кружкой. Он всегда сидел с кружкой горячей воды по утрам, а по вечером пил что покрепче — с тех пор как вернулся с войны с большими лёгкими и привычкой заливать боль дешёвым элем. Элинор уже не просила его взять себя в руки. Она просто наливала ему воду, ставила хлеб (если был) и шла доить козу, которая, по иронии судьбы, кормила лучше, чем все баронские уголья за последний год.

— Дочка, — окликнул он её, когда она уже взялась за дверную скобу. — Ты слышала? Гонец из столицы пришёл. Привез письмо на имя твоей матери.

Элинор замерла.

Гонец из столицы — это было так же невероятно, как снег в июле или новый камзол на отце. Кому могло понадобиться

писать в их забытую богами дыру, где даже сборщики налогов появлялись не чаще одного раза в полгода, потому что брать всё равно было нечего?

— И что пишут? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Не знаю. Мать в спальне, плачет. — Он помолчал. — Может, дядя умер и оставил наследство.

Дядя не умер. И наследства не было.

Элинор нашла мать в маленькой комнате на втором этаже — той самой, где когда-то висели фамильные портреты, а теперь зияли гвозди в стене. Леди Морвуд сидела на краю кровати, сжимая в руках лист плотной бумаги с сургучной печатью. На печати был изображен волк — герб Вольфхолла.

— Мама? — Элинор опустилась рядом. — Что случилось? Нас выселяют? Требуется сразу весь долг?

Мать покачала головой. Слезы текли по её щекам, но она улыбалась — той странной, испуганной улыбкой, когда человек не знает, плакать ему или смеяться.

— Читай, — прошептала она и протянула письмо.

Элинор взяла лист. Бумага была дорогой — с водяными знаками, плотная, чуть шершавая. Такие не продают на рынке, их привозят из заморских мастерских. Почерк — каллиграфический, с завитушками:

«Леди Элинор Морвуд, дочери барона Эдгара Морвуда из Вестхолла.

Именем герцога Каса де Вольф, повелителя Вольфхолла и

земель Восточной марки, вы приглашены к участию в отборе невест. Отбор продлится один месяц в родовом замке герцога. Участие подразумевает проживание, содержание и оплату дороги. Девушка, которая покорит сердце герцога станет герцогиней Вольфхолл.

Прибытие — до первого снега.

С уважением, Реджинальд Олдкотт, дворецкий Вольфхолла».

Элинор перечитала письмо трижды. Потом четвёртый раз — на всякий случай.

— Это ошибка, — сказала она твёрдо. — Нас забыли вычеркнуть из списков. Или перепутали с другой Элинор. Мы — даже не бароны по-настоящему, отец проиграл титул в кости вместе с деревней. Какая невеста? Я не умею танцевать, у меня одно платье на выход, и я никогда в жизни не держала в руках веера.

— Научись, — мать вытерла слёзы и вдруг стала жёсткой, собранной, совсем не похожей на ту женщину, которая плакала минуту назад. — Ты поедешь. Это не обсуждается.

— Но...

— Элинор. — Мать взяла её за руки. — Посмотри на этот дом. Посмотри на отца. Через месяц приедет сборщик налогов, а у нас нет даже серебряной ложки, чтобы откупиться. Земля никуда не годится, коза старая, долги такие, что нас скоро отправят по миру. Всех троих. Даже если мы продадим последние штаны отца — уже ничего не спасет.

— Я знаю. — Элино́р опустила голову. — Но герцог... он же хромо́й. И жестокий. Говорят, его первая невеста сбежала и умерла при странных обстоятельствах.

— Говорят, что король — свинья, но это не мешает ему править. — Ма́ть вздохнула. — Дочка, я не отправляю тебя в объятия чудовища. Я отправляю тебя на месяц, чтобы увидеть все своими глазами. Всего на месяц. Если не выиграешь — вернёшься, и мы придумаем что-то ещё. Но если не поедешь совсем — мы точно пропали.

Элино́р молчала. В окно било бледное осеннее солнце, высвечивая трещины на штукатурке и пыль на подоконнике. Дом умирал — она чувствовала это в каждой половице, каждой прогнившей балке. И она умрет вместе с ним — тихо, незаметно, в застиранных рубашках и с запахом кислых щей.

— Хорошо, — сказала она. — Я поеду.

Ма́ть обняла её и заплакала снова — расслабив плечи, почти со вздохом облегчения. А Элино́р смотрела на печать с волком и думала о том, что герцог Вольфхолла, наверное, даже не знает, как пахнет дом, где нет денег на дрова и последнюю курицу зарезали на именины.

Она представила — вдруг, на секунду — огромный замок, тёплые залы. Слуги меняют простыни каждый день, а столы ломаются от еды. И тут же одёрнула себя.

Не для неё это всё. Ох не для неё.

Но поехать стоило хотя бы для того, чтобы увидеть, как живут люди в достатке и с надёжной крышей над головой.

Сборы заняли пару часов, потому что собирать было почти нечего. Мать достала из сундука платье бабушки — тёмно-синее, шерстяное, с вышивкой по вороту. Платье пахло нафталином и чужими надеждами. Элино́р примерила — в талии болталось, в груди жало. Пришлось ушивать наспех, кривыми стежками, потому что нормальной иголки в доме не нашлось.

— Главное — держать спину прямо, — наставляла мать, пока укладывала в мешок сменную рубашку (дырявую, но чистую), гребень (без трёх зубьев) и маленький мешочек с сушёной мятой — от головной боли. — Ты — дочь барона. Пусть баронство это — пустые земли и почти утерянный титул, но благородной крови и воспитания у тебя не отнять.

— Крови не отнять, — повторила Элино́р без особой веры.

Отец в день отъезда стоял у крыльца, опираясь на палку, и молчал. Потом сунул ей в ладонь потёртый серебряный шиллинг — последний, наверное, который у него остался.

— Возьми, — сказал он хрипло. — Там пригодится.

Элино́р хотела отдать обратно, но он сжал её пальцы и ушёл в дом, не оборачиваясь.

Карета, которую прислал герцог, оказалась не каретой, а простой повозкой с тентом — для четырех пассажиров. Кроме Элино́р, в ней сидели ещё две девушки: одна лет двадцати пяти, с острым взглядом и руками, привыкшими приказывать; вторая — молоденькая, с кудряшками и глуповатой

улыбкой. Третья, как сказал возница, подсядет позже.

— Леди Маргарет, дочь графа Годвина, — представилась старшая, даже не кивнув. — А вы, полагаю, та самая Морвуд, о которой все говорят? Бедная, как церковная мышь, и с таким же приданым?

— Элинор, — ответила она спокойно. — Просто Элинор.

— Очаровательно, — Маргарет отвернулась к окну.

Младшая хихикнула.

— А я Сесилия. Вы не бойтесь, они все там страшные только с виду. Мой папа говорит, что герцог просто гордый, а не злой.

Элинор улыбнулась в ответ, хотя на душе скребли кошки.

Повозка тронулась. За окном поплыли серые поля, голые деревья, редкие деревни с покосившимися крышами. Где-то там, впереди, ждал Вольфхолл — замок, о котором слагали легенды. И человек, который потерял ногу на войне и, говорят, потерял душу вместе с ней.

«Всего месяц», — напомнила себе Элинор.

Она не знала тогда, что месяц перевернёт её жизнь. И что из Вольфхолла она вернётся совсем другой — или не вернётся никогда.

Глава 2. Дорога в Вольфхолл

Дорога в Вольфхолл была долгой, скучной и полной слухов.

Повозка, которую герцогское великодушие назвало «каретой для леди», на деле оказалась телегой на рессорах — с кожаным верхом, который пропускал холодный ветер, и деревянными лавками, на которых за первые два часа пути Элинор набила себе синяк на пояснице. Снаружи моросил дождь, внутри пахло мокрой шерстью и лошадиным потом, а единственным развлечением были разговоры — точнее, тот странный женский ритуал, когда знакомство маскируется под допрос.

— Итак, — леди Маргарет откинулась на спинку, сложив руки на груди, — кто мы и зачем едем? Я, например, потому что мой отец считает, что хромой герцог — это лучше, чем голодный граф.

Она сказала это с такой прямоотой, что Сесилия поперхнулась воздухом.

— Маргарет! Нельзя же так...

— Почему? — Та пожала плечами. — Все думают одинаково, просто я говорю вслух. Мы не идиотки. Герцогу нужна жена, которая родит ему наследника, пока он ещё может. Нам нужны его деньги и земли. Честная сделка, без романтических соплей.

Элино́р промолчала. Ей показалось, что в этой сделке кто-то теряет больше, чем получает, но спорить не хотелось.

Сесилия, напротив, оживилась:

— А я слышала, он красивый! Моя кузина видела его на турнире три года назад — говорит, высокий, плечи широкие, волосы тёмные. И взгляд такой... ну, знаете, как у хищника перед прыжком.

— И одна нога деревянная, — добавила Маргарет сухо. — Или железная. Слухи расходятся.

— Железная? — Сесилия округлила глаза. — Как же он на ней ходит? Это же тяжело.

— Он её вообще не носит. Передвигается на костылях, как калека. — Маргарет поморщилась. — Хотя, если честно, мне всё равно. Мужчина может быть без ноги, руки и даже глаза — лишь бы кошелёк был полон.

Элино́р не выдержала:

— А если он сам окажется не дурак? И поймёт, что вы смотрите только на кошелёк?

Тишина в повозке стала плотной, как кисель. Маргарет медленно повернула голову и уставилась на Элино́р с интересом, который мог бы напугать менее выдержанную особу.

— Вы смелая, — сказала она наконец. — Или глупая. В любом случае, это забавно.

— Я просто спросила.

— А я отвечу: герцог знает, зачем мы едем. Он не мальчик. Если бы он хотел любви, искал бы пастушку, а не доче-

рей разорившихся аристократов. — Маргарет усмехнулась. — Так что не стройте из себя недотрогу, милая Морвуд. Мы все здесь по одной причине: нам нужны его деньги, ему нужна жена для принятого уклада жизни. Всё просто.

Сесилия хихикнула, прикрыв рот рукой. Элино́р почувствовала, как краснеет, но не от смущения — от злости. Не потому, что Маргарет была неправа. А потому, что она была права, и эта правота пахла так же мерзко, как мокрая шерсть вокруг.

— А что говорят о первой невесте? — спросила она, чтобы сменить тему. — Правда, что она сбежала?

Маргарет и Сесилия переглянулись.

— Разное говорят, — ответила младшая уже тише. — Кто — что сбежала. Кто — умерла. А другие, что герцог её... ну, сам понимаете.

— Не понимаю, — твёрдо сказала Элино́р.

— Ну, что он её убил, — выдохнула Сесилия, будто произнесла проклятие. — В приступе ярости. Он же воин, а после ранения, говорят, характер у него ужасный. Слуги всего боятся. В замке не слышно смеха, а по ночам слышны шаги и стоны.

— Стоны — это он от боли, — поправила Маргарет с неожиданным знанием дела. — У таких ранений нервные боли бывают. Мой дядя потерял руку, так он выл по ночам как зверь.

Элино́р запомнила это. Не потому, что хотела использо-

вать — а потому, что впервые услышала в словах Маргарет не насмешку, а что-то похожее на сочувствие.

Повозка тем временем выехала на большак, и дождь усилился. За кожаным пологом ничего не было видно, кроме серого неба и земли, сливающихся в одно бесконечное уныние. Элинор вспомнила свой дом, отца с пустой кружкой, мать, которая плакала и улыбалась одновременно. Интересно, они сейчас думают о ней? Молятся? Или уже привыкли, что дочери нет?

— А вы, — обратилась к ней Сесилия, — что слышали о герцоге?

— Ничего, — честно ответила Элинор. — У нас редко бывают новости.

— Совсем ничего?

— Слышала, что он хромой. И что замок большой.

Сесилия разочарованно вздохнула. Маргарет фыркнула.

— И вы едете, ничего не зная? Вы или очень храбрая, или совсем отчаянная.

— Отчаянная, — ответила Элинор без улыбки.

Она не стала рассказывать, что последний шиллинг отца лежит в её мешке, завернутый в носовой платок, и что она мысленно уже десять раз потратила его на хлеб, соль, новые нитки для матери. Не стала говорить, что перед отъездом молилась не о победе, а о том, чтобы не опозориться. И что в глубине души она боялась не герцога-калеку, а того, что окажется самой жалкой среди всех этих нарядных леди в шёлке

и кружевах.

К обеду в повозку подсела ещё одна пассажирка.

Сначала остановились у придорожной гостиницы — грязной, прокуренной, с пьяными возницами у крыльца. Маргарет отказалась выходить («Я не буду есть в месте, где мухи падают замертво от запаха»), Сесилия поколебалась, но осталась из солидарности. Элинор вышла. У неё не было права брезговать.

Внутри она купила краюху чёрного хлеба и кружку кислого эля — на монеты, которые мать сунула на дорогу. Ела стоя, у стойки, пока мимо не прошла женщина в тёмно-зелёном плаще с капюшоном, низко надвинутым на лицо.

— Вы леди Элинор? — спросила женщина тихо.

Элинор замерла с хлебом у рта.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я тоже еду в Вольфхолл. — Женщина приподняла капюшон. Под ним оказалось бледное, острое лицо с тёмными глазами и тонкими губами — красивое, но какое-то... неживое, что ли. Как у куклы. — Меня зовут Изабель. Вы не против, если я сяду в вашу повозку? Остальные уже заняты.

— Садитесь, — ответила Элинор, хотя внутри шевельнулось нехорошее предчувствие.

Изабель кивнула и исчезла так же бесшумно, как появилась.

Когда Элинор вернулась в повозку, новая пассажирка уже сидела в углу, сложив руки на коленях. На пальце у неё бле-

стело странное кольцо — серебряное, с чёрным камнем, похожим на уголь. Маргарет косилась на него с подозрением, Сесилия — с любопытством.

— Леди Изабель, — представилась женщина сама, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я буду четвёртой.

— Пятой, — поправила Маргарет. — Нас должно быть пять. Кто-то приедет позже.

— Да, — согласилась Изабель и замолчала.

Она больше не проронила ни слова до самого вечера, только смотрела в щель между пологам, на мокрые поля и редкие деревья. Элинор поймала себя на мысли, что в её молчании есть что-то пугающее — не враждебное, нет, скорее... отстранённое. Будто Изабель смотрит на этот мир из другого окна.

— Что о ней слышно? — шёпотом спросила Сесилия, когда стемнело и повозка остановилась на ночлег.

— Ничего, — так же шёпотом ответила Маргарет. — Её никто не знает. Говорят, незаконнорождённая. Или ещё хуже.

— Что может быть хуже?

— То, о чём не говорят вслух, — отрезала Маргарет и натянула плащ на плечи.

Где-то там, в темноте, ждал Вольфхолл. Ждал герцог с железной ногой и, возможно, с чужой кровью на руках. Ждали испытания, слухи, чужие улыбки и чужие козни.

«Ты справишься», — сказала она себе. И не поверила.

Зато поверила в другое: обратной дороги не будет. Даже если её выгонят в первый же день — возвращаться в дом с кислыми щами и отцом у пустой кружки она не хочет. Не может. Не после того, как увидела, что есть другие дороги.

В повозке кто-то всхрапнул. Сесилия, наверное.

Элинор закрыла глаза и представила замок: высокие стены, тёплые залы, огонь в камине. И человека, который будет смотреть на неё холодными глазами и думать: «Ещё одна охотница за деньгами».

— Ну и пусть, — прошептала она в темноту. — Посмотрим, кто кого пересмотрит.

Завтра они въедут в Вольфхолл. А сегодня — последняя ночь на свободе, под открытым небом, без правил и масок.

Она уснула под стук дождя, и ей приснился волк — огромный, хромой, с серыми глазами. Он смотрел на неё из темноты и не нападал.

Просто ждал.

Глава 3. Хозяин замка

Вольфхолл появился из тумана внезапно — как зверь, вышедший на охоту.

Элинор увидела его первой. Она не спала уже несколько часов, глядя в щель между пологам, как серое утро сменяет чёрную ночь. Дождь кончился, ветер стих, и в повозке стало слышно чужое дыхание — Сесилия посапывала, свернувшись калачиком, Маргарет спала с открытыми глазами, что выглядело жутковато, а Изабель просто сидела в темноте и смотрела в одну точку, как будто не нуждалась во сне вовсе.

А потом туман расступился.

Сначала Элинор увидела стены — серые, огромные, сложенные из тёсаного камня, который темнел от влаги. Потом башни — четыре круглые башни по углам, с узкими бойницами, похожими на прищуренные глаза. Потом ров — широкий, мутный, с редкими кувшинками, которые уже пожухли от холода. И наконец — мост. Подъёмный, дубовый, окованный железом.

Вольфхолл не был красивым. Он был внушительным. Старым. И видимо поэтому смотрел на подъезжающую повозку с тем равнодушным величием, какое бывает у замков, переживших три войны, две осады и дюжину поколений.

— Ничего себе, — выдохнула Сесилия, проснувшись и высунув голову наружу. — Ничего себе! Это больше, чем

весь наш город!

— Это крепость, а не дворец, — поправила Маргарет, но в её голосе тоже слышалось уважение. — Эти стены не для веселья строили.

Изабель промолчала. Она смотрела на замок с каким-то странным выражением — не восхищением, не страхом, а скорее... узнаванием. Будто уже была здесь раньше. Элинор заметила это, но ничего не сказала.

Повозка проехала по мосту — колёса застучали по камням — и въехала во внешний двор. Там уже ждали слуги: двое конюхов, кухарка в белом переднике и мужчина в строгом чёрном камзоле, с сединой на висках и лицом, которое ничего не выражало.

— Леди, — он поклонился ровно настолько, насколько требовал этикет, и ни на дюйм больше. — Меня зовут Реджинальд Олдкотт, я дворецкий Вольфхолла. Герцог поручил мне встретить вас и проводить в ваши покои.

— А сам герцог? — спросила Маргарет, выбираясь из повозки с грацией, которой Элинор могла только позавидовать. — Мы надеялись представиться лично.

— Его милость появится вечером, за ужином. — Реджинальд сделал знак слугам, и те начали выгружать немногочисленный багаж девушек. — А пока вам предложат отдохнуть с дороги и привести себя в порядок.

Элинор огляделась. Внешний двор был вымощен булыжником, кое-где поросшим мхом. Вдоль стен тянулись хозяй-

ственные постройки — кузница, конюшни, псарня, откуда доносился лай. В воздухе пахло дымом, мокрой шерстью и чем-то сладким — кажется, яблоками или мёдом. Запах был непривычным, но достаточно приятным.

Внутренний двор оказался небольшим, но уютным. Здесь росли старые липы — голые, корявые, но всё ещё живые. Посередине бил фонтан — неработающий, затянутый ряской. А в дальнем конце возвышался главный корпус: высокие окна с цветными стёклами, резные двери, каменные львы у входа.

— Львы? — удивилась Сесилия. — А где волк?

— Волк на гербе, — ответил Реджинальд, не оборачиваясь. — Львы — для величия. Архитектор так решил лет сто назад.

Элинор запомнила этот момент. Львы у входа, волк на гербе. Интересно. Неужели многое в этом замке будет не таким, как ожидалось.

Комнаты для претенденток находились на втором этаже, в восточном крыле — подальше от покоев герцога, но достаточно близко, чтобы чувствовать себя частью замка. Каждой досталась отдельная спальня — просторная, с камином, кроватью под балдахином и маленьким столиком у окна.

Комната Элинор была самой скромной. Не потому, что её обделили — просто замок жил своей жизнью, и некоторые комнаты не обновляли дольше других. Обои на стенах выцвели, ковёр на полу поистрепался, а в углу стоял старый сундук, который, казалось, помнил ещё прадеда герцога.

Но Элино́р это не расстроило. Ей было всё равно на обои. Она подошла к окну и замерла.

Внизу открывался вид на лес — бесконечный, тёмный, уходящий до самого горизонта. Где-то там, за этим лесом, остался её дом. Мать, отец, старая коза, запах кислых щей. А здесь — кровать с балдахином, камин, в котором уже потрескивали дрова, и тишина. Такая глубокая, что звенело в ушах.

— Леди Элино́р.

Она обернулась. В дверях стояла служанка — молоденькая, веснушчатая, с рыжими волосами, заплетёнными в две косы.

— Я Молли, буду прислуживать вам. Если что-то нужно — позвоните в колокольчик, он на столике у кровати. Ужин через три часа. Герцог просил быть в парадных платьях.

— Спасибо, — сказала Элино́р. — У меня только одно парадное.

— Ничего, — Молли улыбнулась. — У нас тут все свои, леди. Никто не обидит.

Она вышла, оставив Элино́р одну.

За три часа нужно было умыться, расчесать волосы, надеть бабушкино платье и придумать, как не ударить лицом в грязь перед герцогом, который, по слухам, съедал на завтрак таких наивных провинциалок.

Элино́р сняла дорожное платье, налила воды из кувшина в таз и долго смотрела на своё отражение — бледное, устав-

шее, с синяками под глазами.

— Ты сможешь, — сказала она отражению. — Ты уже доехала. Это уже победа.

Отражение не ответило. Оно только моргнуло — грустно и устало.

Вечером они собрались в малой столовой — пятиугольной комнате с низким потолком, расписанным сценами охоты. Элинор пришла первой. Потом спустилась Сесилия в розовом шёлке, который ей явно был мал — она то и дело одёргивала лиф. Потом Маргарет в тёмно-зелёном бархате — дорогом, но тоже не новом, с потертостями на локтях, которые она ловко прикрывала кружевом. Изабель появилась последней, в чёрном — простом, строгом, без единого украшения платье. Стабильной деталью её туалета осталось кольцо с чёрным камнем.

Герцог не пришёл.

Они ждали. Десять минут. Двадцать. Полчаса. Слуги разливали вино, убирали остывшие тарелки, ставили новые. Сесилия начала нервно тереть салфетку. Маргарет постукивала ногтем по бокалу.

— Он издевается? — прошипела она.

— У его милости были дела, — раздался голос Реджинальда из-за спины. — Он просит передать, что присоединится к вам позже. Прошу к столу.

Ужин был роскошным — суп с каплуном, запечённая рыба, жаркое из оленины, три вида пирожных. Элинор ела мед-

ленно, стараясь не набрасываться на еду, хотя внутри всё кричало: «Возьми ещё! Ты такого давно не ела!» Она смотрела на других. Маргарет ковыряла рыбу вилкой, делая вид, что не голодна. Сесилия ела с аппетитом здорового ребёнка. Изабель почти ничего не брала в рот — только пила вино маленькими глотками.

— Когда же он придёт? — спросила Сесилия у проходившего мимо слуги.

— Скоро, леди.

«Скоро» растянулось ещё на полчаса.

Элинор уже начала думать, что герцог вообще не появится, когда тяжёлые двери отворились.

Сначала она услышала стук — металлический, размеренный: тук-пауза-тук. Шаг тростью. Потом шаг ногой — обычный, человеческий. Потом снова тук.

Он вошёл.

Элинор ожидала увидеть чудовище. Или старика. Или горбуна с горящими глазами. Вместо этого в дверях стоял мужчина лет двадцати семи — высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, зачёсанными назад, и острыми скулами. Он был красив. Всех троих. той суровой, неласковой красотой, которая бывает у закаленный боем мечей и зимних расветов.

Но левая нога.

Он опирался на чёрную трость из морёного дуба с серебряным набалдашником. И хромал. Не театрально, а тяжело,

как человек, который привык к боли и научился её скрывать. Плащ на левом боку висел странно, без привычного объёма — под ним угадывался протез.

Он подошёл к столу, ни на кого не глядя, сел во главе — и только тогда поднял глаза.

Серые. Холодные. Пустые, как зимнее небо.

— Леди, — сказал он. Голос низкий, хриловатый, без интонаций. — Приветствую вас в Вольфхолле.

— Мы ждали вас, ваша милость, — Маргарет улыбнулась самой ослепительной улыбкой. — Целый час.

— У меня были дела, — герцог взял бокал, который тут же наполнил слуга. — Вы не обязаны были ждать.

— Мы обязаны, — тихо сказала Элинор.

Он посмотрел на неё — впервые за весь вечер. Взгляд скользнул по лицу, задержался на глазах, потом ушёл в сторону.

— Вы леди Морвуд?

— Да. Элинор.

— Надеюсь, дорога не утомила вас.

— Дорога как дорога, — ответила она. — Главное, что мы доехали.

Он кивнул и отвернулся. Больше за ужином он не произнёс ни слова, только пил вино и смотрел в стену. Девушки пытались завести разговор — Сесилия рассказала о погоде, Маргарет о последних столичных новостях, даже Изабель выдавила из себя пару фраз о цветах в саду. Герцог молчал.

Элино́р смотре́ла на него́ и ви́дела не то, что дру́гие.

Она ви́дела, как его́ пальцы́ сжима́ют трость — побеле́ли ко́стляшки. Как он поста́вил ле́вую но́гу под сто́лом чу́ть в сто́рону, что́бы никто́ не ви́дел, как она́ неесте́ственно сто́ит. Как он ни́ разу не опу́стил взгля́д на свои́ ко́лени — бу́дто бо́ялся уви́деть там то, что уже́ зна́л.

Э́то бу́л не гнев.

Э́то бу́л сты́д.

И поче́му-то Э́лино́р ста́ло не стра́шно, а бо́льно. Не за се́бя — за него́.

Ко́гда ужи́н кончи́лся и герцо́г подня́лся, что́бы уй́ти, Се́си́лия пи́скнула:

— Ва́ша ми́лость, а ко́гда начну́тся испы́тания?

— За́втра, — отве́тил он, не обо́рачиваясь.

И вы́шел, тя́жело ступа́я, оста́вляя за со́бой стук трости́: тук-па́уза-тук.

В ко́мнате повисла ти́шина.

— Он стра́шный, — вы́дохнула Се́си́лия. — Не ли́цом — а вну́три. Как бу́дто он уже́ умер, а ходи́т.

— Он во́ин, — жё́стко сказа́ла Ма́ргаре́т. — Во́ины все та́кие.

Иза́бель про́молчала. Она́ смотре́ла на де́рзь, за ко́торой скры́лся герцо́г, и на её́ бле́дном ли́це мелькну́ло сочу́вствие сме́шанное со стра́хом.

А Э́лино́р си́дела и ду́мала о то́м, что впе́рвые в жи́зни встре́тила че́ловека, ко́торый бу́л бо́лее о́динок, че́м она́.

Только он прятал это за тростью и металлом.
А она — за улыбкой и бабушкиным платьем.

Глава 4. Ужин со львом

Утро в Вольфхолле пахло дымом.

Элино́р проснулась оттого, что кто-то возился в камине — там уже потрескивали свежие поленья, разгоняя сырость, которая за ночь пробралась даже под одеяло. Она села на кровати, поёжилась и увидела Молли — та стояла на коленях перед очагом, засовывая в огонь щепки.

— Доброе утро, леди, — служанка обернулась, и веснушки на её лице смешно сморщились. — Вы спали?

— Кажется, да, — Элино́р потянулась и почувствовала, как хрустнула шея. — Здесь так тихо. В моём доме по утрам кричат петухи и ругается отец.

— У нас только волки воют по ночам, — Молли поднялась, отряхнула юбку. — Но вы не бойтесь, они далеко, в лесу. Я принесла воду для умывания и горячие булочки. Герцог не завтракает с гостями, так что вы можете есть в комнате.

— Почему не завтракает?

Молли замялась, поправила передник.

— Он вообще редко ест с кем-то. Предпочитает один. Говорят, не хочет, чтобы смотрели, как он... ну...

— Как он ест? — Элино́р нахмурилась.

— Как он сидит. Как он встаёт. Видели, когда его лицо искажается от боли в ноге. — Молли вздохнула. — Простите, леди, нельзя мне болтать лишнего. Реджинальд убьёт.

— Я никому не скажу, — пообещала Элино́р.

Она умылась ледяной водой, надела бабушкино платье (синее, выцветшее, но ещё приличное) и съела две булочки с мёдом, пока Молли расчёсывала её волосы. Гребень то и дело цеплялся за колтуны, и Элино́р морщилась, но молчала — терпеть боль она умела с детства.

— Сегодня ужин в большой столовой, — сказала Молли, заплетая косу. — И герцог обещал быть вовремя. Реджинальд сказал, что его милость даже велел зажечь все канделябры.

— Все? — удивилась Элино́р.

— Все. Это большая честь. Обычно их зажигают только на праздники или когда приезжает король.

«А сейчас приехали мы», — подумала Элино́р. Девушки, которые нужны герцогу, как собаке пятая нога. И всё же он зажигает свечи. Может, он не такой чёрствый, как кажется?

В коридоре она столкнулась с Сесилией. Та была в розовом — опять в том самом тесном платье, которое явно шили на другую фигуру. Кружево на правом рукаве болталось.

— Ой, Элино́р! — Сесилия всплеснула руками. — Помогите, пожалуйста! Я порвала, когда застёгивала брошь, теперь вообще ужас выгляжу!

— Дайте сюда, — Элино́р достала из кармана маленькую булавку (мать сунула на дорогу, сказав: «Всё пригодится»). Она аккуратно подколола кружево, так что дырка стала почти незаметной. — Вот. Если не присматриваться, не видно.

— Вы волшебница! — Сесилия чмокнула её в щёку.

Из-за угла вышла Маргарет. Она остановилась, сложила руки на груди и окинула их долгим насмешливым взглядом.

— Очаровательная картина, — протянула она. — Леди Морвуд прислуживает леди Сесилии как заправская горничная. Может, мне тоже обратиться к вам? У меня, кажется, лопнула нитка на подоле.

— Обращайтесь, — спокойно ответила Элино́р. — Только я беру плату. Один серебряный шиллинг за стежок.

Маргарет скривилась, будто укусила лимон.

— У вас есть шиллинг? — спросила Сесилия, когда Маргарет ушла, громко стуча каблуками.

— Нет, — призналась Элино́р. — Поэтому я и предложила такую цену. Она подумает, стоит дальше говорить свои гнусности.

Сесилия захихикала, но тут же осеклась — в конце коридора показалась Изабель. Серая, бесшумная, как тень. Она кивнула Элино́р и пошла дальше, даже не взглянув на Сесилию.

— Странная она, — прошептала та. — Вы заметили, что у неё на пальце? Чёрный камень. Это же опал? Нет, опал светлый. Может, чёрный алмаз?

— Не знаю, — ответила Элино́р. — И знать не хочу. У каждого свои тайны.

— А у вас есть тайны, леди Морвуд? — раздался голос за спиной.

Элино́р обернулась. Перед ней стояла невысокая женщина в тёмно-сером платье, с чётками на поясе и бледным, каким-то прозрачным лицом. Анна — пятая претендентка, которая прибыла ночью, когда все уже спали.

— Леди Анна, — кивнула Элино́р. — Приятно познакомиться. У меня нет тайн. Только долги и старое платье.

Анна улыбнулась — тонко, безрадостно.

— Долги — не тайна. Тайна — это то, что человек носит в сердце. Например, зачем вы здесь?

— Затем же, что и вы, — сухо ответила Элино́р. — Мечтаю стать герцогиней.

— Или спасти семью, — тихо сказала Анна. — А может сбежать от прошлого. И забыть того, кого любила.

Она перекрестилась и ушла, оставив Элино́р в недоумении.

— Странная, — повторила Сесилия. — Все они странные. А я вот — простая. Хочу жить в достатке и и чтобы муж был добрый.

— И красивый, — добавила Элино́р.

— Ах, это само собой, — засмеялась Сесилия.

Большая столовая оказалась не просто большой — она была огромной.

Элино́р замерла на пороге, когда слуга распахнул перед ней резные дубовые двери. Высокие своды терялись где-то

в темноте, хотя канделябров было не меньше сотни. Свечи отражались в начищенном серебре, в хрустальных бокалах, в гладкой поверхности стола — длинного, как улица в их деревне, накрытого на шесть персон. Место герцога — во главе, с резным креслом выше остальных. Справа и слева от него — по два стула для гостей.

Элинор заметила, что стулья расставлены не поровну: три справа, два слева. Место слева от герцога было ближе всех.

«Кто сядет туда?» — подумала она.

Маргарет уже выбрала. Она вошла с таким видом, будто это её замок, её стол и её слуги, и плюхнулась на стул справа от герцога, который явно считала главным. Сесилия села рядом с ней, на безопасном расстоянии. Анна выбрала место в дальнем конце — подальше от всех. Изабель бесшумно скользнула на стул слева, но не рядом с герцогским, а через один.

Осталось одно свободное место. Самое близкое. Слева от герцога.

Элинор помедлила. Сесть туда — значит привлечь внимание. Но не сесть — значит показать, что она боится. Она вспомнила слова матери: «Держи спину прямо. Ты — дочь барона».

Она села.

Маргарет стрельнула в неё глазами, но ничего не сказала. Герцог опаздывал. Десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Слуги разливали вино, меняли остывшие тарелки, поправ-

ляли салфетки. Сесилия начала нервно тереть кружево на рукаве. Маргарет постукивала ногтем по бокалу — звон был такой же острый, как её взгляд.

— Он издевается? — прошипела она.

— У его милости были дела, — раздался голос Реджинальда. Дворецкий возник за спиной Маргарет так бесшумно, что та вздрогнула. — Он просит передать, что присоединится к вам с минуты на минуту.

— Мы уже слышали это вчера, — отрезала Маргарет.

Реджинальд поклонился и вышел.

Через пять минут дверь открылась.

Стук трости Элинор узнала бы теперь из тысячи. Тук-пауза-тук. Мерный, тяжёлый, как удары молота по наковальне. Но сегодня он звучал иначе — чуть быстрее и резче. Будто герцог торопился или злился.

Он вошёл без плаща, в чёрном камзоле с серебряной вышивкой — волки на обшлагах, на вороте. Волосы зачёсаны назад, лицо свежевыбрито. Он был красив — той пугающей красотой, которая не привлекает, а заставляет напрячься. Как лезвие ножа.

Но Элинор смотрела не на лицо. Она смотрела на его ноги — вернее, на то, как он ступает. Левая нога (протез) шла вперёд чуть тяжелее правой, и каждый шаг заставлял его плечо дёргаться. Он морщился. Едва заметно, только если специально следить, но Элинор была внимательна.

Он сел во главе стола, поднял бокал. Слуга тут же напол-

нил его вином.

— Леди, — голос низкий, хрипловатый, без интонаций. — Прошу прощения за задержку. — Он обвёл взглядом стол, задержался на Элинор — она сидела ближе всех. — Вы уже выбрали места?

— Мы сели, как хотели, ваша милость, — ответила Маргарет. — Надеюсь, мы не нарушили этикет.

— Этикет в Вольфхолле — это то, что я считаю приемлемым, — ответил герцог и отпил вина.

Ужин начался.

Первым подали суп — густой, золотистый, с кусочками каплуна и свежей зеленью. Элинор ела медленно, стараясь не стучать ложкой и не чавкать. Маргарет вела светскую беседу — о погоде, о последних столичных новостях, о том, что король собирает войско для нового похода.

Герцог отвечал односложно.

— Да.

— Нет.

— Возможно.

Он почти не смотрел на девушек. Взгляд его серых глаз блуждал по столу, по свечам, по портретам предков на стенах — но только не по лицам сидящих рядом.

«Он боится смотреть на нас, — поняла Элинор. — Или ему всё равно?»

Вторым подали рыбу — запечённую, с лимоном и розмарином. Герцог ел левой рукой, правая всё время лежала на

тлости, прислонённой к креслу. Элинор заметила, что он почти не касается левой ногой пола — держит её чуть в стороне, на весу, чтобы протез не давил на культю.

«Ему больно», — поняла она. — «Всё время больно. И он прчет это за спиной и молчанием».

— Ваша милость, — начала Сесилия, решившись. — А правда, что вы убили дракона?

Герцог поднял бровь.

— Дракона?

— Ну, или не дракона. Чудовище какое-нибудь. Мне кузина рассказывала, что в ваших землях водится огромный вепрь, которого никто не может одолеть.

— Вепрь — не чудовище, — ответил герцог. — Вепрь — это еда. Если его правильно приготовить.

Сесилия хихикнула, но неуверенно.

Маргарет решила взять инициативу в свои руки.

— Ваша милость, а что вы думаете о союзе с королём? Говорят, он ищет поддержки северных лордов против мятежных баронов. Ваш замок — ключевая крепость на востоке. Не бойтесь, что вас втянут в новую войну?

Герцог посмотрел на неё. Впервые за вечер — прямо, в упор.

— Я уже был на войне, леди. Этого достаточно для одной жизни.

— Но если король прикажет?

— Король приказывает тем, кто боится его гнева. — Гер-

цог усмехнулся — горько, без веселья. — А я боюсь только одного.

— Чего же?

— Что вино закончится.

Он подал знак слуге, и тот наполнил бокал снова.

Маргарет замолчала, поняв, что проиграла.

Третьим подали жаркое — огромное блюдо с кусками оленины в густом соусе, с печёными овощами и травами. Запах был умопомрачительный. Элинор не ела мяса уже три дня — в доме не было денег даже на курицу, да и раньше мясо было редкостью. Желудок сводило от голода, но она сжала зубы.

Слуга поставил перед каждым тарелку с дымящимся жарким. Рядом с тарелкой лежал нож — тяжёлый, с костяной рукояткой.

Герцог потянулся за солонкой, задел локтем свой нож — и тот со звоном покатился по каменному полу, остановившись у ног Элинор.

На секунду повисла тишина.

Герцог замер. Его лицо пошло красными пятнами — от шеи до скул. Он попытался нагнуться, но протез не дал — левая нога осталась прямой, как палка, и он чуть не рухнул с кресла. Слуги бросились было к нему, но он отмахнулся.

— Не надо, — прохрипел он. Стыд в его голосе был таким густым, что его можно было резать ножом.

Элинор не думала. Она взяла свой нож — тот, что лежал рядом с её тарелкой, — и молча положила его перед герцо-

ГОМ.

Он поднял глаза. Серые, растерянные, почти детские.

— А вы? — спросил он хрипло.

— Я всё равно не ем мясо, — ответила она.

Это была не совсем правда. Она ела мясо, когда оно было. Но последние три дня его не было, и желудок уже отвык. А ещё ей не хотелось брать в рот оленину, пока он сидит с пустыми руками.

Герцог смотрел на неё несколько секунд, которые растянулись в вечность. Потом взял нож и коротко кивнул.

— Благодарю, — сказал он так тихо, что услышала только она.

Элинор опустилась на стул. Руки не дрожали, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Маргарет смотрела на неё с ненавистью. Сесилия — с восхищением. Анна — с укоризной (наверное, леди не должна отдавать свои ножи чужим мужчинам). Изабель — с лёгкой, едва заметной улыбкой.

— Леди Морвуд, — голос Маргарет прозвучал сладко, как отравленный мёд. — Вы сегодня просто клад. Сначала чинили платье Сесилии как служанка, теперь отдаёте свой нож герцогу. Не хотите ли подать ему вино? Или, может быть, почистить сапоги?

Элинор повернулась к ней и улыбнулась — той спокойной улыбкой, которой научилась у матери, когда та объясняла кредиторам, что денег нет, но жизнь продолжается.

— Если герцог попросит — подам, — ответила она. — А вам, леди Маргарет, советую поберечь зубы. Они у вас такие красивые, жалко, если сотрутся от скрежета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.